

УДК 94(575.2):81'272(47)

ХАРАКТЕР РУСИФИКАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

О.Л. Сумарокова

Рассматриваются основные принципы, направления и инструменты политики русификации, проводимой Российской империей в Туркестанском крае.

Ключевые слова: Туркестанский край; Российская империя; русификация; языковая политика; русский язык; киргизский язык.

THE NATURE OF THE RUSSIFICATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE TURKESTAN REGION

O.L. Sumarokova

It discusses the basic principles, directions and policies of russification, pursued by the Russian Empire in the Turkestan region.

Key words: Turkestan; Russian Empire; russification; language policy; Russian language; Kyrgyz language.

Тема русификации в трудах современных исследователей истории Туркестанского края занимает одно из центральных мест. Став некогда элементом постсоветских штампов об имперском шовинизме и лейтмотивом теорий национальной независимости, стремительно заполнявших вакуум, возникший с отказом от коммунистической идеологии, термин “русификация” оказался заложником единой теории русского национализма. Однако факты свидетельствуют о том, что на территории Российской империи в различные периоды истории в тех или иных регионах русификация проявлялась спектром процессов и явлений, изучение которых с позиций ситуационного подхода позволит существенно расширить оптику исследования, исключив варианты черно-белых сценариев.

Прочно устоявшимся взглядом на характер национальной политики самодержавия, как однозначно “колониальный”, проникнутой духом “угнетательства”, современники обязаны советской историографии [1]. Стоит, конечно, упомянуть и известный опус писателя маркиза Астольфа де Кюстина “La Russie en 1839” (“Россия в 1839 году”), обретший популярность в определенных кругах благодаря фразе, составившей лейтмотив произведения: “Вся страна (Россия – *О.С.*) здесь – та же тюрьма, и тюрьма тем более страшная, что

размеры ее гораздо больше и достигнуть ее границ и пересечь их гораздо труднее” [2, с. 374].

Концепция эта со временем подвергалась изменениям в соответствие с тем или иным политическим режимом, и все же очевидная идеологическая нагруженность и отрицательная коннотация термина “русификация” присутствует и в исследованиях сегодняшнего дня.

Абстрагируясь от общепринятых понятийных стандартов, обратимся к социально-политическим реалиям Туркестанского края. Включение во второй половине XIX в. территорий среднеазиатского региона в состав Российской империи поставило перед правительством ключевую задачу – определить основные пути интеграции многомиллионного полинационального населения, преимущественно исповедующего ислам, в общеимперский организм, сделать иногородцев “соучастниками в истории русского народа” [3, с. 2].

Приступая к анализу “туркестанской” русификации, важно, прежде всего, отметить, что в Российской империи отсутствовал стандарт “русскости”. В попытках обозначить его границы одни отдавали предпочтение этносу, другие – православию, третьи – русскому языку. Однако консенсус в решении этого вопроса достигнут не был.

Советский и российский историк, доктор исторических наук Б.Н. Миронов справедливо указывал на то, что “установка “мы” – русские и “они” – нерусские – никогда не имела у русских, в особенности у крестьянства, столь абсолютного значения, как у большинства европейских народов. Под словом “мы” русские признавали не только этнически чистых русских, но и соседей, если они подчинялись русскому царю” [4, с. 43].

Это свидетельствовало о том, что границы русскости выходили далеко за пределы этничности, культуры, языка и религии, создавая транскультурное пространство под названием “русский мир”, причастность к которому обреталась не только генетически, но и, как было справедливо отмечено православным публицистом, доктором философских наук В.В. Аверьяновым, “по усыновлению, по осознанному выбору, присяге и договору, по взаимному признанию империи и поданных” [5].

Обратившись к первой всеобщей переписи населения в России 1897 г., мы увидим, что в ее анкете отсутствовала графа “национальность” или “народность” [6, с. 73].

Русская народность, вобравшая в процессе своего становления множество племен, “сплавленных” православием, общей исторической судьбой, русским государством, языком и культурой, выступала своего рода ядром, вокруг которого происходило народное сплочение. Межнациональная валентность, комплементарность, этническая и религиозная терпимость русского характера являлись залогом успешности этого процесса. По мнению экспертов, “в исторически формировавшейся как многонациональная Российской империи всегда отсутствовали традиции “зоологического национализма”, “апартеида” или же поисков “чистоты крови”, ибо в конечном счете во внимание принимался лишь один критерий – “служение интересам России...” [7, с. 196–197], предлагавший “верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания” [8, с. 203].

Важно отметить, что подобная прерогатива не делала русских юридически господствующей нацией в Российской империи. “Наша политика по отношению к покоренным народам есть политика гражданского равенства, – заявлял М.А. Терентьев. – Житель только что взятой Кульджи, только что занятых Ташкента, Самарканда и т. д. делается таким же русским гражданином, как, например, житель Москвы, да еще пожалуй с большими льготами” [9, с. 360].

По факту, “русскость” являлась не этническим, а скорее государственным концептом, обозначавшим “политическую нацию”, сплоченную “державным патриотизмом” [10, с. 150].

Залогом формирования патриотических убеждений в гражданах, сближающим и роднящим каждого в стране с народом и отечеством, апологеты русского просвещения считали отечественный язык – русский [11, с. 10]. О его месте в русификаторских проектах, ориентированных на Туркестанский край, наиболее комплексно было заявлено в труде известного русского этнографа XIX столетия М.А. Миропиева – “О положении русских инородцев”. “Русификация” трактовалась им как синоним концепта государственное “единение”, к которому, по замечанию автора, стремится каждое государство. Механизм интеграции и сохранения российско-азиатского единства, получивший название “русификация”, виделся в “обрусении инородцев только в умственном и нравственном отношениях, игнорируя религиозную сторону дела”, посредством “могучего рычага” [12, с. 74] – русской школы и русского языка. Русская школа, “как воспитательница народа, ... неотъемлемое и одно из драгоценнейших достояний государства” [13, с. 315], должна была, по мнению ревнителя всеобщего образования в России П.А. Столыпина, в наибольшей степени способствовать процессу духовной интеграции российской молодежи вне зависимости от ее этноконфессиональной принадлежности, “на почве любви к общему Отечеству – России”.

Этой актуальной для России конца XIX столетия темы не мог не коснуться и Журнал Министерства народного просвещения. В одной из опубликованных на его страницах статей “Государственный язык в инородческой школе” провозглашалось: “Для объединения разноплеменного и разноязычного населения государства существует единое верное и могущественное средство, это – хорошо поставленная правительственная школа с преподаванием на государственном языке. Школа, предназначенная для обучения инородцев, имеет одну из главных целей ознакомление инородческого населения с государственным языком в такой мере, чтобы оно без затруднений могло иметь многообразные сношения с коренным населением общего отечества, защищать свои интересы в различных правительственных учреждениях и отбывать повинности, исполнение которых требует практического знакомства с государственным языком” [14, с. 45–46].

24 ноября 1886 г. Н.П. Остроумов, будучи с докладом у К.П. фон Кауфмана, отметил необходимость “обратить внимание на свои правительственные школы и хорошенько устроить их, чтобы они сами привлекали к себе детей туземцев”. “А для этого, – добавил Кауфман, – нам необходимо сделать в пользу туземцев какие-нибудь уступки” [15, с. 32]. Они заключались во включении национальных языков в программы русско-ту-

земных училищ; в разработке содержания учебных программ по национальным языкам в соответствии с достижениями современной методической науки; в разработке учебно-методической базы с национально-региональным компонентом для русско-туземных школ; в подготовке и реализации идеи совместного обучения русских и туземцев; в свободе вероисповедания; в симбиозном подходе к формированию внешних и внутренних составляющих строя русско-туземных школ в соответствии со стереотипами и традициями национальных культур региона, а также с учетом ключевых принципов российской педагогики и культуры; в формировании психологически здоровой учебно-воспитательной среды; в обеспечении преемственности между всеми типами государственных школ Туркестанского края; в открытии при русско-туземных училищах интернатов и пр.

О необходимости “гибкого” подхода к просвещению жителей Туркестанского края было заявлено на проходившем с 10 мая по 3 июня 1905 г. Особом Совещании по вопросам образования восточных инородцев под председательством тайного советника Будиловича. Как резюмировал М.А. Миропиев, по заключению членов Совещания, русско-туземная школа должна была “видоизменяться или, вернее сказать, приспособляться к местным национальным особенностям и бытовым условиям каждого данного племени, которое никогда и ни в каком случае не должно быть подавляемо и приносимо в жертву каким-то отвлеченным учебным потребностям нашей школы” [16, с. 189].

В конце 1891 г. Туркестанский генерал-губернатор барон Б.А. Вревский в циркуляре на имя военных губернаторов областей края писал: “Предполагать и надеяться, что жители Туркестанского края сами сознают пользу и почувствуют удовольствие от изучения русского языка, от тех знаний, которые сообщаются в русско-туземных школах, значило бы оставлять дело в обычной косности... Сообщая о вышеуказанном, имею честь просить Ваше Превосходительство неотложно принять меры к тому, чтоб отныне туземцы, знающие русский язык, избирались и назначались на должности и службы предпочтительно перед незнающими его и чтобы сущность настоящего распоряжения возможно чаще была оповещаемая и уясняема населением вверенного мне края” [17, с. 22].

О готовности правительства и краевой администрации идти на уступки было заявлено в статье замечательного государственного деятеля России Д.А. Милотина “О разноплеменности в населении государства (1911 год)”. “Так относительно языка не следует устанавливать никаких стеснений в употреблении племенной речи: ни словесно, ни на письме,

[ни. – Д.А.] в частной жизни, – писал он. – Единственное ограничение может заключаться в установлении законом тех случаев, когда обязательно употребление языка государственного” [13, с. 389].

Отсутствие у жителей Туркестанского края даже при таких условиях стремления к изучению государственного языка объяснялось современниками не только ментальными особенностями объектов обрусения, но и слабой координированностью государственной политики и общественных инициатив, а также *отсутствием давления* со стороны администрации. Этот факт был отмечен 2 февраля 1870 г. во время заседания Совета Министра народного просвещения по вопросу о мерах к образованию населяющих Россию инородцев в докладе попечителя Одесского учебного округа, действительного статского советника Голубцова. “В характере русского правительства есть одна черта, правда, прекрасная сама по себе, но не всегда гармонирующая с твердой политикой. – заявил он. – Это – излишняя, иногда в ущерб русским государственным интересам, деликатность в отношении к инородцам, населяющим окраины Империи, покоренные русским оружием в различные эпохи; это – боязнь быть обвиненным в эгоизме и нетерпимости, хотя дело идет не о преследовании той или другой религии, не о стеснении языка того или другого племени, а напротив, о восстановлении законных прав преследуемого русского языка” [18, с. 833–834].

Таким образом, занимаясь преимущественно изучением мотивов и форм сопротивления языковой русификации в Туркестанском крае и все чаще учитывая их в своих исследованиях, современные историографы упускают важный момент, а именно – сформированные агентами обрусения *позитивные мотивы к усвоению русского языка*, обширные функциональные возможности которого открывали своим носителям новые горизонты.

В наибольшей степени мифологизированным и практически неизученным по сей день остается вопрос о месте национальных языков коренных жителей Туркестанского края в концепции русификаторской политики самодержавия. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что киргизский и иные национальные языки продолжали жить своей жизнью, объединяя, удовлетворяя потребности в общении внутри национального целого, аккумулируя в себе национальные культуры, традиции, самобытность. Более того, развитие национальных языков являлось одним из приоритетных направлений политики русификации.

В последнюю четверть XIX в. российскими просветителями начинает разрабатываться и издаваться учебная, учебно-методическая, справочная и художественная литература на киргизском языке. Особое

внимание авторов в этот период уделяется системному описанию грамматики киргизского языка, проведению сопоставительных работ по тюркскому языкознанию, а также составлению киргизско-русских и русско-киргизских словарей. К ним можно отнести работы Н.И. Ильминского “*Материалы к изучению киргизского наречия*”, “*Словарь киргизско-русский (из материалов Н.И. Ильминского)*”; двухтомный “*Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и с переводом на русский язык*” Л.З. Будагова; учебник генерал-майора, ориенталиста, публициста и изобретателя М.А. Терентьева “*Грамматика турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков*”; “*Спутник русского человека в Средней Азии*” и “*Проводник и переводчик по окраинам России, заключающий в себе 24 языка...*” А.В. Старчевского и др.

Работы дореволюционных авторов являются первыми крупными шагами в истории развития киргизского языкознания, своего рода письменным памятником просветительским идеям, явившимся одним из источников образованности наших современников. С них начался подлинно научный этап сбора, анализа и систематизации языкового материала киргизского языка.

В целом суть русификаторской политики, ориентированной на модернизацию традиционного общества Туркестанского края и его интеграцию в единый российский государственно-политический и духовно-культурный собор, заключалась в организации в регионе просветительской деятельности, направленной на свободное приобщение среднеазиатских подданных к русскому языку и русской культуре. А потому целесообразнее обозначить ее как “языковая русификация”.

Государственный язык, распространявшийся среди инородцев не в качестве языка “господствующего” русского народа, а в качестве официального языка центральной власти, представлялся единственно верным и эффективным инструментом интеграции. Правовой статус его был установлен Основным государственным законом, гласившим: “Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами” [19, с. 1].

Литература

1. См. Д.О. Айтмамбетов “Школьное дело в Туркестане”, Е.Л. Драпкина “Национальный и колониальный вопрос в царской России” и др.
2. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. Т. I. / пер. с фр.; под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной, А. Осповата / А. де Кюстин. М., 1996.
3. Яковлев П. Современные вопросы и нужды в деле просвещения инородцев: сборник статей по инородческому делу / П. Яковлев. СПб., 1907.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. СПб., 2000.
5. Пределы русскости // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/04/02/predely_russkosti/ (дата обращения 17.01.2015).
6. Пландовский В. Народная перепись / В. Пландовский. СПб., 1898.
7. Дьяконова И.А. Имперская внешняя политика России / И.А. Дьяконова // Отечественная история. 1995. № 2. С. 195–199.
8. Трепавлов В.В. “Белый царь”: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. / В.В. Трепавлов. М., 2007.
9. Терентьев М.Д. Россия и Англия в Средней Азии / М.Д. Терентьев. СПб., 1875.
10. Кара-Мурза С.Г. Национализм в современной России / С.Г. Кара-Мурза, О.В. Куропаткина. М., 2014.
11. О началах русского воспитания. Речь, произнесенная в торжественном собрании первой Московской гимназии 3-го октября 1854 года преподавателем русского языка и словесности Тертием Филипповым. СПб., 1890.
12. Миропиев М.А. О положении русских инородцев / М.А. Миропиев. СПб., 1901.
13. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): сб. материалов / сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. М., 2006.
14. Государственный язык в инородческой школе // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCVLI. Ноябрь. 1904. СПб., 1904. С. 45–60.
15. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899.
16. Миропиев М.А. Русско-инородческие школы системы Н.И. Ильминского / М.А. Миропиев // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XIII. 1908. Январь. СПб., 1908. С. 183–210.
17. Лыкошин Н. Казии (народные судьи). Бытовой очерк оседлого населения Туркестана / Н. Лыкошин // Русский Туркестан: сборник. Т. 1. Приложение к газете “Русский Туркестан”. Ташкент, 1899.
18. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 4. 1865–1870. СПб., 1874.
19. Свод Законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними положениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. осн., и позднейшими узаконениями: в 5 кн. Кн. I. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н.П. Балканов и др. СПб., 1912.